

УДК 821.161.1

**ЖИТИЕ ЯРОСЛАВСКИХ СВЯТЫХ:
СООТНОШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ВЫМЫСЛА В РУССКОЙ АГИОГРАФИИ**

Ключевые слова: русская литература, агиография, жития русских святых, аксиология, христианские ценности, образ святого.

В статье раскрывается взаимоотношение исторической правды и вымысла в русской агиографии на примере жития ярославского святого Федора Ростиславича Черного; обоснован ценностный подход к созданию житийного образа, лежащий в основе жанра древнерусской агиографической литературы.

Агиография – отрасль церковной литературы, описывающая жизнь святых, главным жанром которой являются жития. С самого начала их изучения встает вопрос о соотношении в них исторической правды и вымысла. Труд В.О. Ключевского был фактически первым исследованием на эту тему (подробнее об истории изучения агиографической литературы см. статью автора «Русская агиография: специфика изучения» [11]).

Цель, которую поставил перед собой В.О. Ключевский изложена в кратком предисловии к работе. Его цель – «первоначальная очистка источника настолько, чтобы прагматик, обращаясь к нему, имел под руками предварительные сведения, которые помогли бы ему правильно воспользоваться житием. <...> Приемы исследований определились свойством разбираемых памятников. <...> Качество исторического материала, предоставляемого житием, зависело главным образом от обстоятельств, при которых писалось последнее, и от литературных целей, которые ставил себе автор. Эти обстоятельства и цели, время появления жития, личность биографа, его отношение к святому, источники, которыми он располагал, частные поводы, вызвавшие его труд, и литературные приемы, которыми он руководился, – вот главные вопросы, которые задавал себе исследователь при разборе каждого жития» [4, с. II–III].

Таким образом, уже в исследовании В.О. Ключевского мы видим, что агиография как и любое явление средневековой культуры является отражением сразу множества ее сторон. Это предполагает целый спектр различных подходов к изучению этого жанра литературы. Но поскольку В.О. Ключевский ставил перед собой конкретную задачу – получить материал для изучения истории колонизации русского Севера, в результате источниковедческого исследования он вынес приговор житиям как историческому источнику, сформулированный в следующих тезисах:

1. По литературной задаче жития биографические факты служат в нем только готовыми формами для выражения идеального образа подвижника.
2. Из описываемой жизни житие берет лишь такие черты, которые идут к означенной задаче.
3. Избранные черты обобщаются в житии настолько, чтоб индивидуальная личность исчезла в них за чертами идеального типа.
4. Агиобиограф и историк смотрят на описываемое лицо с разных точек зрения: первый ищет в нем отражение отвлеченного идеала, второй индивидуальных исторических черт.
5. Обилие и качество биографических фактов в житии находится в обратном отношении к развитию чествования святого, к торжественности повода, вызвавшего житие, и к хронологическому расстоянию, лежащему между кончиной святого и написанием жития [8].

Но, сделав столь неутешительные выводы по поводу исторической достоверности житий как исторического источника, В.О. Ключевский, тем не менее, дал первый анализ житий, их специфики именно как жанра литературы.

На наш взгляд, выявленное и охарактеризованное Ключевским качество агиографии по отношению к историчности и фактологичности, не снижает того значения, которое имеет житийная литература для истории развития мировой литературы, а взаимоотношение вымысла и факта является одной из специфических черт житийной литературы как жанра.

Как справедливо отмечали А.И. Плигузов и В.Л. Янин в послесловии к упомянутой работе В.О. Ключевского, жития являются «свидетельством особого средневекового мироощущения, вне которого не постигаем феномен средневековой культуры» [7, с. 13].

Важным является изучение нравоучительных задач, которые ставил биограф святого, и которые давало читателю житие, а также того религиозно-нравственного мировоззрения, которым оно проникнуто. Например, о нравоучительных задачах житий пишет С.П. Шевырев в лекциях по истории русской словесности: «При известном религиозном направлении древней литературы и

очевидном уважении, которым пользовались среди нее жителя, в них естественно видеть памятники, имеющие культурно-историческое значение, отражавшее интересы, взгляды, стремления, идеалы лучших людей эпохи, по крайней мере, в области религиозно-нравственной, и, стало быть, могущие в свою очередь служить для определения религиозно-нравственного мировоззрения эпохи, содержания ее духовной жизни» [9, с. IV, 60].

Вопрос о житии как о литературной форме ставился уже Ключевским, который рассмотрел эволюцию житийной литературы как органическую часть литературного процесса средневековья; этот подход предвосхитил будущие исследования по средневековой поэтике. Попытку описать литературный процесс в агиографии как прямое выражение поляризованных общественных интересов делает А.П. Кадлубовский. Его книга – шаг вперед по сравнению с исследованием Ключевского: Кадлубовский начинает анализ жития с выявления его идеального образца в контексте агиографии православного мира, предугадывает законы внутренних принципов построения житийных форм.

На наш взгляд, для культурологического исследования как раз интересен такой подход в изучении агиографии, который предполагает нахождение новых ее соотношений с реальностью, приметы которой «свой подлинный смысл обретают лишь в идеальной парадигме жития. Агиографическая поэтика общих мест, описанная Ключевским, значительно ограничивает возможности традиционной исторической критики и подталкивает исследователя на путь изучения средневекового сознания» [7, с. 13].

Этот метод изучения агиографии был подхвачен русскими учеными-эмигрантами, группировавшимися вокруг русского православного богословского института в Париже. В частности, Г.П. Федотов делает попытку описания русского религиозного сознания на житийном материале. Интересной с этой точки зрения является статья под много говорящим названием «Читатель жития» (автор Б.И. Берман)[1], где исследуются традиции восприятия читателем агиографического канона средневековья. Именно человек, создатель жития – с одной стороны, и читатель жития – с другой, в конечном итоге и интересует нас как исследователей.

Как же выстраивается житийный образ? Мы видим, что достаточно традиционно для логики создания жития. «Не практику человеческой жизни, всегда так или иначе причастную греховности хочет изобразить житие, а находящееся вне эмпирической действительности состояние безгрешности» [1, с. 159].

Специфика изображения святого определяется, прежде всего, основными чертами житийного жанра, которые во многом отличаются как от законов художественной литературы последних веков вообще, так и от логики историзма в частности.

Специфика жития как жанра литературы заключается в ряде общих мест, канонически регламентированной схеме, в том, что повторяется, что переходит из текста в текст. То, что можно назвать влиянием действительности, авторской индивидуальности или чужеродной традиции, является ничем иным как нарушением закономерностей жанра. Составители житий совсем не стремились привлечь читателя неожиданностью содержания и формы, напротив, своеобразие самого материала любыми средствами приглушалось и в процессе обработки его приводилось к общему знаменателю с помощью определенных приемов унификации. Моделью для канона служили классические православные жития греко-византийских писателей, которые и были «типическими» образцами, определяющими жанр. Схема агиографического сочинения, как отмечал еще Х. Лопарев [6, с.15.], была определена образцом «биографий знаменитых мужей древней Греции, например биографий, вышедших из-под пера Ксенофонта, <...> Тацита, Плутарха и т.д. Как памятник литературы, такая биография всегда состоит из трех основных частей – предисловия, главной части и заключения». Риторическое вступление обычно содержит уничижительные высказывания автора о своих литературных способностях, оправдание своей дерзости и обоснование необходимости, несмотря на дерзость, написать житие, а также возвеличивание подвигов святых. В главной части обычно содержится сообщение о родителях святого, благочестивых или, наоборот, чью волю на пути к праведности приходилось нарушать. Также сообщается о месте рождения святого и о его учении. Обычно житие рассказывает о том, что с детства будущий святой чуждается игр и забав, прилежно учится. Далее главная часть содержит рассказ о жизни святого и кончается моментом его смерти. Описание кончины святого – также важный момент житийного повествования. Далее следует рассказ о чудесах от гроба и мощей святого. В заключении жития – похвала святому.

Агиография не столько искусство в традиционном смысле, сколько «искусство спасения», стремящееся обрисовать образец спасительной, то есть святой жизни и предполагающее подражание. Как, собственно, и пишет Ключевский, «житие было неразлучно с представлениями о святой жизни, только она имела право на такое изображение. Единственный интерес, который привязывал внимание общества, подобного древнерусскому, к судьбам отдельной жизни, был не исторический или психологический, а нравственно-назидательный: он состоял в тех типических чертах или

нравственных схемах, которые составляют содержание христианского идеала, осуществление которых, разумеется, можно найти не во всякой отдельной жизни» [26].

Поэтому одной из главных черт житийного жанра была идеализация, которая, как отмечал Д.С. Лихачев, являлась «... одним из способов художественного обобщения в средние века. Писатель влагал в создаваемый им образ человека свои представления о том, каким должен быть этот человек, и эти свои представления о должном отождествлял с сущим» [5, с. 104].

Но совершенно очевидно, что несмотря на то, что каноническая схема устойчива и направлена на идеализацию образа, именно в этой части (идеализации) агиография также имеет тенденции к изменению, поскольку сами эти идеалы могут меняться. Понятно, что главный христианский идеал – крестный путь к спасению – остается неизменным. Меняется герой, тот, кого идеализируют, важнейший персонаж эпохи. В частности, Г.П. Федотов в своем исследовании пытается представить динамику изменения этих идеалов святости [8].

Поэтому изучению нужно подвергнуть не то, что на первый взгляд кажется отличным, оригинальным, и даже не характерные общие места, а то, что происходит в истории культуры с этими общими местами, динамику канона, каким это парадоксальным ни кажется. Таким «общим местом» и является схема идеального героя, накладываемая на исторический прототип. И с одной стороны можно рассматривать те черты, которые выбираются для создания образа святого, с другой же стороны – это не происходит раз и навсегда, этому процессу свойственна определенная динамика, поступательное развитие образа и смещение акцентов.

В этом смысле прекрасной иллюстрацией сказанного может быть изучение житий ярославских святых, а именно, св. благоверного князя Федора Ростиславича Черного, история жизни которого на сегодняшний день реконструируется несколько шире, чем тот материал, который представлен в нескольких редакциях его жития [3]. На примере канонизации и прославления ярославского святого мы установили принципы, в соответствии с которыми формируется житийный образ: необходимость создания своего идеала-образца, соответствующего как общим церковно-религиозным, так и нравственно-этическим и патриотическим представлениям Ярославцев [10; 12]. Как и любой «классический» тип жития, жизнеописание Федора Черного во главу угла ставит сакральные ценности: благочестие, молитвенность, преданность вере, пост и милостыню. Кроме того, мы видим и такие его черты, как местный патриотизм, забота о городе и его жителях, воинские доблести. В канонизированном изображении ярославского князя прослеживается динамика в сторону более полной и подробной характеристики его добродетелей. Это происходит с постоянным нарастанием от редакций XV века к редакциям века XVII. Ряд же событий, известных нам по летописям, и не вполне вписывающихся в концепцию жития, просто не вошел ни в одну известную редакцию. Процесс канонизации местного князя и превращение его в общерусского святого представляется как воплощение некоего универсума русской культуры с четко выраженной иерархией ее ценностей.

Как справедливо отмечали А.И. Плигузов и В.Л. Янин в послесловии к работе В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник», жития являются «свидетельством особого средневекового мироощущения, вне которого не постигаем феномен средневековой культуры» [7, с. 2].

Литература

1. Берман, Б.И. Читатель жития / Б.И. Берман // Художественный язык средневековья. – М., 1982.
2. Кадлубовский, А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых / А. П. Кадлубовский. – Варшава, 1902.
3. Клосс, Б.М. Житие Федора Ярославского / Б.М. Клосс // Клосс Б.М. Избранные труды. – Т. II. – М., 2001. – С. 247-330.
4. Ключевский, В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В.О. Ключевский. – М., 1871 (репринт М., 1988.)
5. Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси / Д.С. Лихачев. – М., 1970.
6. Лопарев, Хр. Византийские жития святых VIII–IX веков / Хр. Лопарев // Византийский временник. – Т. XVII (1910 г.). – СПб., 1911.
7. Плигузов, А.И., Янин, В.Л. Послесловие / А.И. Плигузов, В.Л. Янин // Ключевский, В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988.
8. Федотов, Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов. – М., 1990.
9. Шевырев С.П. История русской словесности / С.П. Шевырев. – М., 1858. – Ч.3.
10. Юрьева, Т.В. Канонизация ярославских святых в культурно-типологическом аспекте (Федор Ростиславич Черный) / Т.В. Юрьева // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. – Саранск, 1998.
11. Юрьева Т.В. Русская агиография: специфика изучения / Т.В. Юрьева // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: Художественный текст как предмет изучения в школе и вузе: материалы III всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1000-летию Ярослава и Году учителя. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; Науч. ред.: И.Ю. Лученецкая-Бурдина. – Ярославль, 2010. – С. 34-45.
12. Юрьева, Т.В. Федор Черный – человек и икона (Канонизация ярославских святых в культурно-типологическом аспекте) (2-е издание, дополненное) / Т.В. Юрьева. – Ярославль, 2014.

**The lives of the Yaroslavl saints:
the correlation of historical truth and fiction in Russian hagiography**

Key words: russian literature, hagiography, lives of Russian saints, axiology, Christian values, the image of the Saint.

The article reveals the relationship between historical truth and fiction in Russian hagiography on the example of the life of St. Fyodor Rostislavich Cherny of Yaroslavl. the author substantiates the value approach to creating a hagiographic image that is the basis of the genre of old Russian hagiographic literature.

В.Д. Янченко, О.С. Астахова
Московский педагогический государственный университет
e-mail: v.d.yanchenko@gmail.com
ms.cinik@mail.ru

УДК 811.161.1'243(07):821.161.1

**СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

Ключевые слова: тексты русской классической литературы, русский язык как иностранный, аксиологический (ценностный) потенциал, методические рекомендации, межкультурная интерференция.

В статье раскрываются методические приемы, способствующие преодолению межкультурной интерференции, которая наблюдается в процессе чтения иностранными студентами текстов русской литературы. Подчеркнут аксиологический (ценностный) потенциал русской литературы в обучении РКИ. Предложено сопоставительное изучение, параллельное прочтение текстов на двух языках (русском и родном), историко-культурный комментарий. Представлены методические рекомендации для организации процесса обучения РКИ.

Одним из основных умений, определяющих высокий уровень знания иностранного языка, является способность читать и понимать оригинальные художественные тексты на изучаемом языке. Чтение аутентичных текстов русской классической литературы представляет сложность для иностранцев, поскольку для понимания необходимы не только знание русской грамматики и высокий уровень владения лексикой, но и осведомленность о фактах культуры, русской истории и национальных особенностях мышления и поведения, проявивших себя в языке. Если эти знания не сформированы в должной мере, перед преподавателем будет поставлена задача предупреждения и преодоления случаев межкультурной интерференции при чтении обучающимися инофонами художественных текстов.

Межкультурные интерференционные ошибки связаны с отсутствием у студентов знаний о внеязыковых элементах культуры изучаемого языка (в первую очередь, о концептах и культурных кодах), которые так или иначе отражены в языке.

Для решения данной проблемы не является существенно важным, на материале прозаического или поэтического текста проводится практическое занятие, так как благодаря внушительной доле средств художественной выразительности любое классическое произведение русской литературы обладает многослойным смысловым и культурным наполнением, что затрудняет понимание такого ценностного текста [1] носителями иной культуры.

Несомненно, классический художественный текст имеет богатый потенциал [3] благодаря своей функциональности: материал может быть использован не только для выработки речевых умений обучающихся, но и для передачи сведений о языке и культуре страны изучаемого языка, что способствует формированию у студентов лингвокультуроведческой компетенции. Соответственно, в зависимости от тех целей, которые ставит преподаватель, художественный текст может решать следующие задачи: формирование речевых навыков и умений, иллюстрирование языковых явлений, овладение культурными кодами, особенностями культуры, которые отразились непосредственно в лексике изучаемого языка.

Художественный текст для проведения работы, способствующей преодолению межкультурной интерференции, должен знакомить студентов непосредственно с культурой страны изучаемого языка. Это обусловлено тесным взаимодействием фактов культуры и лексики, которая используется в современной устной и письменной речи носителей языка.